

Левшин Дмитрий Михайлович

Пажеский корпус за сто лет

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Михайлович Л.**
Пажеский корпус за сто лет: Том 2 / Левшин Дмитрий Михайлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 478 с.

ISBN 978-5-519-92875-5

ISBN 978-5-519-92875-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Великій князь: Самодержецъ. Государь. Царь.
Дворъ царя и его значеніе.
Придворные чины дореформенной Россіи.

„Если оставить въ сторонѣ Кіевскую Русь, у которой были совсѣмъ другія условія развитія, — въ сѣверо-восточной Руси представитель государственной власти — князь, былъ чуть-ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ государства. Вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ, владѣльцемъ земли, ничѣмъ, кромѣ личнаго и срочнаго уговора. Среди этого „жидкаго элемента“ нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало по-малу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его „вольныхъ слугъ“, все еще могущихъ при случаѣ и уйти къ сосѣднему князю. Когда одинъ изъ князей московскихъ поглощаетъ остальныхъ, вольные слуги переходятъ къ нему на службу; кругъ этихъ слугъ княжескихъ расширяется и русское служилое сословіе пріобрѣтаетъ постоянную осѣдность. Но и послѣ того, какъ кристаллизовался этотъ второй слой русскаго общества, фундаментъ подъ нимъ продолжалъ колебаться; вольное крестьянство все еще бродитъ съ одной земли на другую, продолжая оставаться жидкимъ элементомъ русской исторіи. Только благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ, удастся, наконецъ, привести и этотъ элементъ въ твердое крѣпостное состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ за собою землевладѣльцевъ, землевладѣльцы закрѣпляютъ за собою земледѣльцевъ. Этотъ-то способъ постройки надолго сохранилъ за верхомъ русскаго общества, за правительственною властью, руководящую роль въ процессѣ историческаго домостроительства“ ¹⁾.

Такъ, постепенно, шагъ за шагомъ, съ борьбою, съ трудомъ создавалось Россійское государство. Посмотримъ теперь, какъ и въ силу какихъ условій князь, первоначально находившійся на кормленіи у земли, превратился въ государя самодержца всея Руси, а затѣмъ и въ царя.

„Въ то отдаленное время, когда еще и самъ князь не осѣлъ, онъ былъ, по тогдашнимъ понятіямъ, главный судья и воевода, хранитель правды и первый воинъ земли. Вообще онъ былъ сторожемъ русской земли отъ враговъ внутреннихъ, домашнихъ, и отъ враговъ иноплеменныхъ. Коль скоро правда была нарушена поступками князя, онъ терялъ довѣріе, лишался княжества, а иногда и

¹⁾ П. Миллюковъ. Очерки русской культуры. Изд. 3, ч. I; очеркъ III, стр. 116, 1898 г.

самой жизни. За исполненіе этихъ обязанностей—сторожить, земля его кормила, и онъ самъ не простиралъ своихъ видовъ дальше права на это кормленіе.

Великій князь для земства становился не болѣе какъ кормленщикомъ, не главою земли, а главою такихъ-же кормленщиковъ, вождемъ дружины.

Отношеніе земства къ князю было до чрезвычайности просто и свободно. „А мы тебѣ кланяемся, княже, а по твоему не хотимъ“. Вотъ стереотипная фраза, которою выражалось несогласіе съ княжескими требованіями и притязаніями, выражалось самостоятельное, независимое рѣшеніе дѣла. „Тебѣ ся, княже, кланяемъ“, значитъ тоже, что ты себѣ, а мы себѣ, что по твоему не сдѣлается. Князья, съ своей стороны, людей вѣча не называли ребятами, а обращаются къ нимъ съ обыкновеннымъ народнымъ привѣтомъ: „братья, братья моя милая“, вызываетъ къ Новгородцамъ древній Ярославль, прося помощи на Святополка; „братья Володимирцы!“ вызываетъ князь Юрій.

Слово „князь“, которымъ земля именвала каждое лицо, принадлежавшее Рюрикову племени, было словомъ вполне опредѣленнымъ, истинный живой смыслъ котораго вытекалъ изъ характера княжескихъ отношеній къ землѣ. Право, достоинство князя, какъ извѣстнаго общественнаго типа, было достояніемъ лицъ княжескаго же рода и никому другому принадлежать не могло. Какъ только племя распадалось и простое, обычное достоинство князя потребовалось высить для лицъ, стоявшихъ почему-либо впереди и, слѣдовательно, выше другихъ, тотчасъ же къ имени „князь“ стали прибавлять великій, что значило старшій, большакъ. Этимъ титуломъ жизнь обозначала, что достоинство князя, отъ раздробленія на мелкія части, утратило прежнее значеніе, измельчало, износилось и что, слѣдовательно, наступила новая фаза въ развитіи княжескихъ отношеній. Тѣмъ же путемъ прошелъ и титулъ великаго князя. Сначала онъ означалъ только старшаго во всемъ племени, а позже старшаго въ своей волости, такъ что къ концу фазы всѣ самостоятельные, владѣтельные князья стали именоваться великими. Къ XV вѣку не только Тверской, Рязанскій, но даже Понскій князь именуетъ себя великимъ княземъ, и именно въ то время, когда поступаетъ въ подручники въ службу господину осподарю Витовту. Это новое имя явилось на смѣну прежняго отжившаго имени и начало новую фазу развитія земскихъ понятій и достоинствъ князя. Оно появилось тогда, когда осѣлъ князь. Оно, по свойству своихъ жизненныхъ силъ, въ самомъ уже началѣ показывало, что стремится совсѣмъ упразднить первоначальное общее и притомъ пришлое достоинство князя, упразднить самое понятіе объ этомъ достоинствѣ, что въ точности и случилось, когда эта фаза достигла полнаго своего развитія. Въ XVII столѣтіи многіе князья Рюрикова племени смѣшались съ земствомъ и навѣки забыли о своемъ княжескомъ происхожденіи. Такимъ образомъ, типъ древняго князя, переходя въ своемъ развитіи изъ фазы въ фазу, къ концу пути вовсе разложился, угасъ, оставивъ по себѣ одно имя, какъ археологическую рѣдкость и достопамятность.

Въ древнѣйшихъ жизненныхъ отношеніяхъ рядомъ съ именемъ князь—существовало другое такое же типическое имя—„государь“. Въ началѣ оно служило типомъ частной домашней жизни, типомъ хозяина и собственника и, само собою

разумѣтся, отца семейства, главы дома. Еще въ „Русской Правдѣ“ словомъ государь, осподарь обозначается, вмѣстѣ со словомъ господинъ, хозяинъ собственности, домовладыка, вотчинникъ, вообще „самъ“, какъ часто теперь выражаются о хозяинѣ и какъ въ древности выражались о князьяхъ, державшихъ независимо свою волость, именуя ихъ самодержцами. Осподою называлась семья въ смыслѣ независимости, самостоятельнаго хозяйства, которое и до сихъ поръ на югѣ носитъ названіе осподы, господства. Господою называется самый Новгородъ, въ смыслѣ правительственной судной власти, осподою называется собирательно судное начальство и вообще господская власть. Господарь, слѣдовательно, было лицо, совмѣщавшее въ своемъ значеніи понятіе о главѣ дома, о непосредственномъ правителѣ, судѣ, владѣльцѣ и распорядителѣ своего хозяйства. Домострой XVI в. для поименованія хозяина и хозяйки не знаетъ другого слова, какъ государь и государыня.

Князья, мало-по-малу по праву наслѣдства, стали считаться полными собственниками своихъ наслѣдственныхъ полостей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стали приобрѣтать и новый титулъ, обозначающій очень вѣрно сущность самого дѣла, т. е. ихъ новое отношеніе къ землѣ. Земля вмѣсто обветшалого, только почетнаго титула, начала называть ихъ государями. Взамѣнъ прежняго выраженія княжить, которымъ обозначалось свойство, характеръ княжескихъ отношеній, явилось новое слово государить, выражавшее совсѣмъ иной смыслъ, иной характеръ отношеній. Точно также слово „княжество“ опредѣлявшее дѣятельность, замѣнено было новымъ выраженіемъ „государство“ имѣвшимъ новый смыслъ, весьма различный отъ прежняго. Дальнѣйшее политическое развитіе присвоило этому послѣднему слову гораздо обширнѣйшее значеніе, упразднивъ все личное, частное, такъ сказать.

Самостоятельные князья, вотчинники стали именоваться государями. Потребовалось отличить первенствующаго государя отъ остальныхъ. Его назвали— великій государь русскій, а потомъ назвали всея Руси.

Окрѣпнувъ экономически и политически, московскій государь, когда палъ Константинополь и когда исполненіе части его политическихъ задачъ онъ какъ бы принялъ на себя, назвалъ себя царемъ и этимъ показалъ, что размѣръ его значенія еще увеличился, что теперь онъ одинъ царь православный, но на дѣлѣ онъ остался все тѣмъ же осподаремъ, государемъ. Мы хотимъ сказать, что въ простомъ и удобопонятномъ, а главное, наиболѣе точномъ и вѣрномъ смыслѣ, это былъ помѣщикъ, съ широкими, царственными размѣрами жизни, которые явились почти незамѣтно, сами собою, какъ необходимое, совершенно неизбежное условіе новыхъ политическихъ отношеній и потребностей. При этомъ нельзя забывать, что новыя потребности и отношенія развились по преимуществу на почвѣ иноземныхъ сношеній, на почвѣ жизни съ сосѣдями. Дома въ отношеніи къ землѣ они никогда бы не могли вырасти съ такою силою и въ такомъ просторѣ. Здѣсь, какъ всегда и во всемъ большемъ и маломъ, выразилось простое, повседневное стремленіе жизни: казаться передъ другими въ большемъ достоинствѣ и славѣ. Лишь для чужихъ только нужно было представлять это необычно-

венное величіе сана, обставлятъ азіатскими декораціями, торжественностью, блескомъ каждый шагъ, особенно въ приѣмахъ и проводахъ иноземныхъ пословъ и гостей. Только передъ чужими нужно было высится, являть свое могущество, неисчислимо богатство, однимъ словомъ, являть себя съ достоинствомъ, которое возвысило бы значеніе, силу и славу земли. Дѣйствительно, царственная обстановка Московскаго Государя, царственныя формы, порядки его быта, какъ и высота его сана, вырастаютъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ умножаются, развиваются наши заграничныя сношенія; по мѣрѣ встрѣчъ, знакомствъ, столкновений въ общей политикѣ иноземныхъ государствъ и въ особенности нашихъ сосѣдей, передъ которыми Москва никогда не думала оставаться въ худыхъ. Ея задача была во чтобы то ни стало перегнать этихъ сосѣдей, разумѣется, на первый разъ хотя бы внѣшнимъ величіемъ, внѣшнимъ могуществомъ, ибо о могуществѣ внутренняго развитія тогда и сосѣди еще мало помышляли. Отличительная черта ея политики въ томъ именно и заключается, что она привыкла во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ надѣяться болѣе на себя, на собственныя силы и средства, не отыскивая гдѣ-нибудь по сторонамъ. Этимъ-то путемъ и было достигнуто могущество и первенство.

Но какъ ни были широки и царственны размѣры быта, усвоеннаго по этому пути московскимъ государемъ, въ общихъ чертахъ, въ общихъ положеніяхъ быта и даже въ мелкихъ частностяхъ они нисколько не удалялись отъ обычныхъ, исконныхъ типическихъ очертаній русской жизни.

Московскій государь остается тѣмъ же княземъ-вотчинникомъ, со значеніемъ котораго почти за 400 лѣтъ до реформъ онъ началъ свой историческій подвигъ. Вотчинный типъ выражается во всѣхъ мелочахъ и порядкахъ его домашней жизни и домашняго хозяйства. Это было простой деревенскій, чисто русскій бытъ, нисколько не отличавшійся въ основныхъ чертахъ отъ крестьянскаго, сохранившаго свято всѣ обычаи и преданія, весь строй и всѣ начала древней русской жизни въ той его формѣ, которая была выработана вѣками для отдѣльнаго единичнаго частнаго хозяйства и домоводства, для отдѣльнаго независимаго существованія русской семьи, болѣе или менѣе достаточной, зажиточной и домовитой. Сквозь великолѣпныя, по-азіатски ослѣплявшія блескомъ и богатствомъ декораціи царственнаго сана видѣлась до крайности простая и наивная, общая всему народу дѣйствительность, равнявшая особу государя съ послѣднимъ сиротою государства, т. е. со всякимъ хозяиномъ-домовладыкою изъ послѣднихъ слободъ и крестьянскихъ деревень, не говоря уже о помѣщикахъ и вотчинникахъ служилаго сословія, гдѣ типъ государя-хозяина являлся преимущественнымъ опредѣленіемъ жизни и всѣхъ условій быта, ибо начала, истоки жизни были по всей русской землѣ одни и тѣ же, и тамъ и здѣсь, на сѣверѣ, какъ на югѣ, ничѣмъ существенно не различались и потому складывались въ одинъ и тотъ же строй и порядокъ, въ одну и ту же форму. Спѣшимъ оговориться, что здѣсь идетъ рѣчь не объ общественныхъ политическихъ началахъ жизни, а только о домашнихъ, о началахъ жизни единичной, а не общей, только о домѣ и дворѣ, а не о землѣ.

Самая, такъ называемая, государственная служба, въ простомъ смыслѣ представляла только видъ службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятію отечества и государства. Быстрое развитіе вотчиннаго типа на Московской почвѣ втянуло въ себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равнымъ правомъ самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походовъ очень быстро превратились въ слугъ и имя слуги сдѣлалось самою высокою наградою за службу вообще. Древнее выраженіе „страдать за русскую землю“ замѣнилось новымъ—служить государю. Такимъ образомъ, то, что въ древнее время представляло только условія частной домашней жизни, это самое условіе, не имѣвшее никакого особеннаго значенія для земства, именно служба лицу,—съ развитіемъ вотчинности или государства пріобрѣтаетъ имѣстѣ съ лицомъ самого господаря общее политическое значеніе. Княжая дворня, княжіе слуги, вотчинные дружинники становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и типъ вотчинника господаря, не признававшій по существу своихъ стремленій никакихъ другихъ совмѣстныхъ по лицу правъ и преимуществъ, смотрѣвшій на все съ точки зрѣнія полнаго самовластительнаго владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое такъ держались князья-дружинники, такъ чествовали и берегли его, видя въ немъ почти единственную опору для своихъ отношеній къ землѣ, князь-вотчинникъ признаетъ чуждою, враждебною формою жизни и употребляетъ отчаянныя усилія, чтобы искоренить и самую память о немъ. Онъ чествуетъ и бережетъ только вѣрныхъ, прямыхъ своихъ слугъ и вноситъ въ ветхую уже среду славной и сильной нѣкогда дружины имя слуги, какъ высшую почесть. Торжество господарскихъ идей вполне выразилось въ понятіяхъ, поступкахъ и убѣжденіяхъ Грознаго Царя Ивана Васильевича. Служба бояръ и вообще сановниковъ существенно была тѣмъ же, чѣмъ служба домовыхъ людей. Они обязаны были служить до послѣдней физической возможности, обязаны были каждый день съ утра являться во дворецъ челомъ ударить государю и запоздалый ихъ пріѣздъ безъ причины всегда влекъ за собою гнѣвъ и немилость государя. Безъ спроса у государя они не смѣли выѣхать изъ Москвы даже въ ближайшія свои подгородныя, хотя бы только на одинъ день или для какого дѣла. Въ свои именины каждый бояринъ ѣхалъ къ государю челомъ бить и подносить ему именинный калачъ. Бояре и всѣ сановники вѣняли себѣ въ особую честь и почесть получать отъ обѣда и отъ ужина поденную подачу и ставили себѣ въ большое безчестье, когда эта подача по ошибкѣ или по другой какой причинѣ до нихъ не доходила, размышляя, что ни царскаго гнѣва, ни вины за собою не вѣдаютъ, а подачею передъ своею братьею обезчестены. Строгость наказаній за подобныя несправности въ разсылкѣ подачъ указываетъ, какъ важно было ихъ значеніе для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновеннаго вотчиннаго типа, которыя по глухимъ мѣстамъ сохраняются даже и теперь и которыя идутъ изъ глубокой древности, изъ первобытныхъ патріархальныхъ отношеній господаря-домовладыки къ своимъ домочадцамъ.

Вотчинно-господарскій типъ московскихъ князей обозначается даже въ самомъ устройствѣ ихъ стольнаго города Москвы. Въ сущности, это была помѣ-

пичья усадьба, обширный вотчинниковъ дворъ, стоявшій среди деревень и слободъ, которыя почти всѣ исполняли какое-либо служебное назначеніе въ вотчинниковомъ хозяйствѣ, въ потребностяхъ его дома, его домашняго обихода“¹⁾.

Итакъ, слѣды вотчинныхъ отношеній оставались и въ XVII столѣтіи, складъ жизни въ общемъ былъ вотчинный и царь-государь, какъ вотчинникъ, какъ хозяинъ, былъ источникомъ всѣхъ благъ, былъ самодержцемъ и названіе слуги его дѣлало честь тому, кто носилъ таковое, а потому всѣ и считали себя его слугами.

Но не одно это возвышало личность царя, не одни вотчинныя преданія ставили его на недосягаемую высоту и окружили особымъ ореоломъ, передъ которымъ всѣ преклонялись; если бы это было такъ, если бы только этимъ опредѣлялась преданность, стремленіе стать къ нему поближе, положить за него животъ, вѣрою и правдою служить,—такое представленіе о царѣ-государѣ и о его государствѣ заключило бы въ себѣ что-то, если хотите, унижительное, что-то холопское, что-то черезчуръ матеріальное и подтверждало бы только ту мысль, что въ исторіи исключительную роль играютъ экономическія отношенія, однимъ словомъ, такое представленіе играло бы въ руку теоріи экономического матеріализма. А между тѣмъ человѣческая природа создана такъ, что она нуждается въ идеалѣ, что она вопреки всякимъ экономическимъ потребностямъ неудержимо стремится къ нему, и какъ только она освобождается отъ оковъ повседневныхъ низменныхъ интересовъ, она старается удовлетворить свои духовныя потребности и даже, вращаясь среди нихъ исключительно, человѣкъ старается ихъ осмыслить, идеализировать. Многіе дѣлаютъ это сознательно, а многіе сами не отдавая себѣ въ томъ отчета, а потому ясно, что одни вотчинныя отношенія не могли создать Россіи, какъ не могли создать Русскаго Царя, не могли, наконецъ, создать и русскаго народа, иначе говоря „не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты родилось національное Московское государство“²⁾, оно родилось на Куликовомъ полѣ, гдѣ великій князь и государь, вотчинникъ, испрося благословенія у св. Сергія Радонежскаго, побѣдилъ татаръ и тѣмъ показалъ, что надъ нимъ благословеніе Божіе, что онъ избранъ Творцомъ Вселенной одолѣть поганыхъ, подъ игомъ которыхъ такъ долго томился народъ православный.

Великій князь Московскій явился на этомъ полѣ поборникомъ народныхъ интересовъ, общерусскихъ государственныхъ интересовъ земли православной, здѣсь Россія, можетъ быть, впервые сознала, что она нѣчто цѣльное, не дробное, что у нея есть одно общее дѣло, а способствовалъ пробужденію этого самосознанія никто иной, какъ великій князь Московскій, котораго самъ Богъ избралъ, думалъ народъ, своимъ орудіемъ, а слѣдовательно, на немъ лежитъ печать Духа Свята. Ни Куликовской битвы, ни подвига великаго князя Московскаго русскій народъ забыть не могъ, къ нему, какъ къ заступнику, Богомъ избранному, стали обращаться его взоры. Но что призналъ народъ и бояре, находившіеся на его службѣ,

¹⁾ И. Забѣлинъ. Быть царей. 1875 г. Изд. 2.

²⁾ В. О. Ключевскій. Слова приведены въ лекціяхъ по русской исторіи профессора Платонова. Вып. I. стр. 117. 1899 г.

того не хотѣли признать остальные удѣльные князья. Отсюда ихъ борьба съ нимъ, но борьба неравная, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и духовномъ. Не трудно было угадать, чѣмъ она должна была кончиться. Конечно, имъ пришлось покориться, тѣмъ болѣе, что другое событіе огромной важности, черезъ 73 года послѣ только что упомянутого, поразило всю Русь. Тѣ самые поганые басурмане, отъ которыхъ мы только что отдѣлались и которые все же нѣтъ, нѣтъ, а давали о себѣ знать, покорили Царь-градъ, откуда пришла и самая православная вѣра, а великій князь Московскій черезъ 14 лѣтъ женился на племянницѣ геройски павшаго на стѣнахъ второго Рима императора Константина. Софья Ооминична, говоря, настаивала на томъ, чтобъ великій князь Іоаннъ III принялъ титулъ царскій и окружилъ себя пышнымъ дворомъ, установилъ этикетъ и т. д., но она могла настаивать и на большемъ: требовать, чтобы онъ принялъ титулъ Императора, — умы были подготовлены признать въ немъ помазанника Божьяго съ какимъ угодно титуломъ. Къ этому времени уже существовало сказаніе о житѣи и представленіи великаго князя Дмитрія Іоанновича, названнаго царемъ русскимъ. А тутъ еще Іоаннъ III, женившись на представительницѣ царственного византійскаго дома, какъ бы принималъ на себя завѣты второго Рима, какъ бы сказалъ этимъ народу, — если палъ второй Римъ, то Москва и Московское государство будетъ третьимъ, гдѣ свято будетъ храниться вѣра православная и преданія отцовъ церкви. Господь, благословившій на брань Дмитрія Іоанновича, благословляетъ теперь меня сдѣлаться заступникомъ вѣры православной. Отнынѣ я, помазанникъ Божій, призванъ исполнить великое дѣло сохраненія въ чистотѣ святой вѣры. Такъ связалъ въ своемъ представленіи народъ три событія: Куликову битву, паденіе Константинополя и женитьбу Іоанна III на греческой царевнѣ и когда Іоаннъ Грозный, дѣйствительно, принялъ титулъ царя, русскіе люди нисколько не удивились такому превращенію бывшаго вотчинника; больше того, это вполне отвѣчало ихъ тайнымъ желаніямъ.

Съ этихъ поръ служба лицу государя пріобрѣла особую окраску, она стала святымъ дѣломъ, стала символомъ служенія идеѣ, съ тѣхъ поръ онъ могъ все потребовать и, что бы онъ ни потребовалъ, все исполнялось не только съ готовностью, но съ особеннымъ благоговѣніемъ. Въ немъ одномъ слились для народныхъ массъ три понятія: объ отечествѣ, о вѣрѣ и національности и, вслѣдствіе этого, прежній вотчинникъ, въ силу экономическихъ причинъ стоявшій выше массы, въ силу причинъ психологическихъ вознесся на высоту небывалую. Вотчинныя отношенія продолжали существовать, но они облагородились, одухотворились, весь укладъ жизни сталъ осмысленнѣе, они перестали носить на себѣ отпечатокъ чего-то унизительнаго; быть слугою царя православнаго, защитника святой вѣры и святой Руси, помазанника Божьяго, все равно, что служить Богу и чѣмъ ближе царь приблизитъ къ себѣ, тѣмъ больше почету. Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ и мѣсто, гдѣ жилъ царь, сдѣлалось священнымъ и доступъ къ нему болѣе труднымъ.

Иначе говоря, весь этотъ психологическій, постепенно развивавшійся процессъ привелъ къ тому, что самодержецъ-вотчинникъ, матеріальныя права котораго

создалъ экономическій строй жизни, сдѣлался самодержцемъ всея Руси, моральныя права котораго создала духовная жизнь народа. Матеріальныхъ правъ отъ этого онъ не утратилъ, они сдѣлались только священными. Несомнѣнно, болѣе строгій этикетъ, установленный при дворѣ и литература, занимавшаяся разработкою вопроса о высокомъ значеніи царя, способствовали укрѣпленію такого положенія вещей, но не они его создали. Однако не всѣ усвоили себѣ сразу такое понятіе о царскомъ достоинствѣ, въ массы оно проникло скорѣе, чѣмъ въ среду бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей, помнившихъ, что и они были такими же самодержцами, вотчинниками, какъ и московскій царь. Они, имѣвшіе съ нимъ непосредственно дѣло, уступившіе силѣ и обстоятельствамъ, съ трудомъ могли покориться своей участи, но и они послѣ отчаянной борьбы сдались и они стали въ день именинъ своихъ подносить царю калачи, признавая его пресвѣтлымъ Величествомъ. Уступили они столько же силѣ—кровавымъ расправамъ грознаго царя Ивана—сколько и ихъ захватившему, разлившемуся широкою волною по всей Руси понятію о высокомъ значеніи царя.

Къ концу XVII столѣтія процессъ завершился, идея самодержавія возторжествовала, подвергнувшись въ началѣ того же XVII вѣка жестокому испытанію своей прочности, изъ котораго вышла еще болѣе крѣпкою, чѣмъ когда-либо. Все, что было способнаго, родовитаго, вліятельнаго, все это стремилось приблизиться къ особѣ царя, онъ, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ своимъ нравственнымъ авторитетомъ, онъ сталъ источникомъ всякаго свѣта, заимствовавшимъ его въ свою очередь отъ того, по слову котораго сталъ свѣтъ на землѣ. Пышно расцвѣла тогда придворная служба, ея жаждали всѣ, всѣмъ хотѣлось, такъ или иначе, сдѣлаться близкимъ челоѣкомъ царя, а отправленія обязанностей ея, такъ сказать, санкционировало эту близость, вотъ почему отправленіе обязанностей, вызванныхъ первоначально непосредственными жизненными нуждами домового хозяйства, сдѣлалось особенно почетнымъ и превратилось въ заманчивую придворную службу. Само собою разумѣется, что не всѣ были одушевлены такими же мыслями, что для многихъ практически-настроенныхъ умовъ она представляла удобную арену для осуществленія далеко неидеальныхъ желаній. Также несомнѣнно, что понемногу всѣ посредствующія мысли, облегшія ее въ такой ореолъ, забылись и остался лишь ореолъ, побуждавшій всѣхъ стремиться къ ней и, если можно такъ выразиться, запашился придворнымъ званіемъ, искать государственныхъ должностей. Короче, къ концу XVII стол. дворецъ, изъ простой вотчинной усадьбы превратившійся въ освященное недоступное жилище Великаго Государя, уподобившееся во многомъ своимъ древнѣйшимъ идеаламъ, дворцамъ библейскимъ и особенно константинопольскому, неудержимо влекъ къ себѣ. Его великолѣпіе изумляло современниковъ и многіе изъ нихъ, пораженные блескомъ золота и красокъ, богатствомъ, торжественностью, несказаннымъ сіяніемъ и блистаніемъ всего окружавшаго, иногда видѣли даже болѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Если такъ изумлялъ царскій чертогъ людей заѣзжихъ, бывалыхъ и, можетъ быть, много выдававшихся въ другихъ странахъ, то для простыхъ туземныхъ глазъ онъ въ дѣйстви-

тельности былъ чудомъ, о которыхъ ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать³⁾.

Въ немъ съ утра до вечера толпились придворные люди, оживляя его и еще болѣе увеличивая блескъ окружавшей ихъ обстановки. Тутъ можно было встрѣтить и бояръ ближнихъ, окольничихъ, дворецкихъ, конюшенныхъ, кравчихъ, казначеевъ, дворянъ думныхъ, оружничихъ, постельничихъ, стряпчихъ съ ключомъ, ловчихъ и сокольничихъ, печатниковъ и стольниковъ. Происхожденіе должностей, которыя они исполняли при дворѣ, было тѣсно связано съ происхожденіемъ самого дворца. Какъ дворецъ первоначально былъ усадьбой, такъ и первоначальныя и придворныя обязанности были обязанностями слугъ при усадьбѣ вотчинника. Исключеніе представляли бояре введенные. Они, въ XVII в. обратившіеся въ бояръ ближнихъ, въ XIV в. вводились въ довѣріе князя и замѣняли его. Какъ довѣренными, послѣдній поручалъ имъ творить вмѣсто себя судъ и праву, очень вѣроятно, въ началѣ только надъ дворовыми людьми, а затѣмъ надъ всѣми остальными обитателями вотчины. Въ прямомъ смыслѣ это не были слуги, они и въ древности занимали особое положеніе, какъ замѣстители князя, а потому и пользовались особымъ почетомъ. Это были старѣйшіе, опытнѣйшіе и лучшіе люди земли; ихъ было немного: въ годъ смерти Василя Васильевича только 5, Иоанна III—13, при преемникѣ его число ихъ возрасло до 20, наибольшаго развитія число введенныхъ бояръ достигаетъ при Грозномъ въ 1601 г. Къ первому сентябрю этого года ихъ было 32 человекъ, а въ теченіе года вновь назначено 4. Но къ концу царствованія Грознаго число введенныхъ бояръ сократилось до 10 человекъ. Въ теченіе XVII стол. оно колебалось между 20—30. Мы нарочно обращаемъ вниманіе на эти цифры, чтобъ показать, насколько почетно было это придворное званіе въ XVII столѣтіи. Собственно терминъ „введенный“ въ официальныхъ перечисленіяхъ чиновъ не встрѣчается, его замѣняетъ терминъ „бояринъ“, заимствованный придворною жизнью изъ современнаго ей быта. Боярами звали обыкновенно лучшихъ людей, придворнымъ же званіемъ боярство дѣлалось для того или другаго лица съ той минуты, когда ему „боярство сказывалось“. Такихъ то въ XVII столѣтіи и было отъ 20 до 30 человекъ, но уже той роли, которая имъ принадлежала даже въ XVI столѣтіи, когда каждый введенный бояринъ былъ самостоятельнымъ судьей, они не играли. Имъ довѣряли, но уже не настолько, чтобъ позволять замѣнить царя, но все же они остались его ближайшими совѣтниками.

Находящіеся при дворѣ московскаго государя бояре принимали участіе во всѣхъ торжественныхъ событіяхъ двора и составляли въ этихъ случаяхъ ближайшую обстановку царя. Они сидѣли въ золотомъ платьѣ подлѣ государя при приѣмѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ. Въ торжественные выходы московскихъ царей, когда люди разныхъ чиновъ жаловались къ рукѣ, бояре стояли подлѣ царя и одинъ изъ нихъ поддерживалъ руку его, къ цѣлованію которой допускались приглашенные. Во время вѣнчанія на царство, бояре стояли на

³⁾ Забѣлинъ. Ib. стр. 201.

чертежномъ мѣстѣ, особомъ возвышеніи въ 12 ступеней, приготовляемомъ въ Успенскомъ соборѣ для совершенія обряда вѣнчанія. Бояре сопровождали въ его поѣздкахъ по монастырямъ, по загороднымъ дворамъ, производили смотры служилымъ людямъ; они же назначались воспитателями царевичей и, въ случаѣ временной отлучки супруги государя изъ Москвы, для охраны ея—къ ней всегда назначался особый бояринъ.

Какъ видите, это было весьма почетное званіе. Неудивительно, что его добивались всѣ: одни—меньшинство—чистосердечно стремились стать ближе къ тому, которому писали, „тебѣ служимъ, яко Богу“, другіе—большинство—удовлетворить своему тщеславію и властолюбію.

Но и среди этихъ избранныхъ близкихъ людей нѣкоторые пользовались большимъ довѣріемъ, большимъ расположеніемъ государя, а потому дѣлались ближними боярами, комнатными, т. е. такими, которые имѣли доступъ въ кабинетъ государя. Такимъ лицамъ комнатное боярство не сказывалось, т. е. прилагательное это сначала указывало только на фактъ большой близости, большого довѣрія, но къ концу XVII столѣтія при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ оно уже указываетъ на пожалованіе особаго придворнаго чина; и комнатное боярство уже сказывается, но и это оказалось малымъ—и царица Софія, чтобъ выдѣлить князя Василія Васильевича и показать, что онъ пользуется особымъ ея довѣріемъ, даетъ ему званіе „боярина и оберегателя“. Въ общемъ, по той или другой причинѣ завѣтною мечтою каждого боярина XVII столѣтія было фактически слѣлаться ближнимъ, комнатнымъ бояриномъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что званіе боярина могли получать члены не всѣхъ фамилій, а только наиболѣе знатныхъ, менѣе знатные должны были довольствоваться званіемъ окольничаго.

Въ XIV столѣтіи и, вѣроятно, раньше обязанности окольничаго состояли въ томъ, что онъ устраивалъ путь и столы государя и представлялъ ему иностранныхъ пословъ. Между этими двумя отдѣльными родами службы была та связь, что разъ окольничимъ поручено дѣлать распоряженія о помѣщеніи государя и его свиты, то, какъ на знатокѣ этого дѣла, на нихъ возлагали и обязанность распоряжаться отводомъ помѣщеній для пословъ. Вслѣдствіе этого, имъ первымъ приходилось знакомиться съ ними и ихъ знакомить съ новою обстановкою. Понятно, что они лучше кого-либо могли и взять на себя трудъ представить ихъ царю. Но уже съ XVI столѣтія окольничіе не устраиваютъ столовъ, ихъ замѣняютъ въ этомъ отношеніи дворяне. Званіе это дѣлается какъ бы вторымъ придворнымъ чиномъ, это способъ провести въ боярство людей не именитыхъ, но угодныхъ. Въ XVII столѣтіи появляются окольничіе ближніе и комнатные.

За этимъ вторымъ званіемъ слѣдовало третье—дворецкаго. Если боярство и, отчасти, окольничество, не носило на себѣ такого рѣзкаго вотчиннаго характера и было, такъ сказать, придворно-общественною должностію, то званіе дворецкаго не представляло никакого сомнѣнія относительно своего происхожденія: дворецкій завѣдывалъ дворомъ князя; сколько было у князя имѣній, своихъ дворовъ, столько и дворскихъ или дворецкихъ. По различію дворовъ и дворскіе разли-